

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

LANGUAGE IN PROCESS

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-1-20-29

EDN: GEAZOQ

Научная статья / Research article

**«Джихад против Макмира» Б. Барбера
в современных транскультурных реалиях****В.П. Синячкин¹, А.А. Лавицкий²**¹ Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация² Витебский филиал Международного университета «МИТСО», Витебск, Республика Беларусь✉ anton_lavitski@mail.ru

Аннотация. Критически проанализированы идеи американского политолога Б. Барбера, представленные в книге «Джихад против МакМира». Ученый предпринимает попытку обосновать концепцию борьбы двух сил формирования миропорядка: *Джихада* и *МакМира*. Первое представляется как движение, ориентированное на становление общества радикальных национально-культурных изоляций — демаркации этнонационального жизненного пространства от влияния внешнего мира. Второе движение реализует подходы глобализации для создания однополярного мира унифицированных и единообразных культур, что в конечном счете должно привести к формированию общего транснационального характера личности. В предсказаниях Б. Барбера радикальное противостояние *Джихада* и *МакМира* окончится победой последнего, то есть полным размытием межкультурных границ. Актуальность «культурного давления» *МакМира* последних десятилетий подтверждается словарным составом современного языка, где иноязычные заимствования, имеющие обычно интернациональный характер, вытесняют лексемы, репрезентующие этнокультурную картину мира. На примерах современных культурных реалий объективизируется становление иной от предложенных Б. Барбером формы развития межнациональных отношений — регионализации. Регионализация в преломлении к культурному контексту являет собой естественный процесс противостояния тенденциям стирания культурных национально-этнических границ, то есть по формальным признакам представляется оппозицией по отношению к глобализации (*МакМир*) и родственной идеям *Джихада*. Однако последовательно доказывается, что доктрина регионализации имеет симбиотическую основу: несмотря на ориентацию на сохранение национально-этнической идентичности, она реализует транскультурную диффузию посредством ассимиляции заимствованных культурных элементов. В качестве подтверждающих примеров приводятся факты «культурной ассимиляции» в литературном процессе, киноиндустрии, науке и даже сфере общественного питания. Регионализация реализуется в естественной форме как самостоятельное желание личности уйти от культурной ассимиляции, а в крайних формах — перейти к культурному сепаратизму. Искусственная регионализация рассматривается как

© Синячкин В.П., Лавицкий А.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

предмет национального дискурса и обнаруживается в коммуникативных потоках идеологической направленности, ориентированных на получение, сохранение или развитие государственности. Сделан вывод о расширении проявлений культурной регионализации по принципам этногенеалогических связей с поправкой на современную политическую карту мира.

Ключевые слова: регионализация, глобализация, «Джихад», «МакМир», культура, национально-этническая идентификация, транскультура

История статьи: поступила в редакцию 01.11.2025; принята к печати 02.01.2026.

Вклад авторов: Синячкин В.П. — концепция исследования, обзор литературы, составление библиографического списка, перевод на английский язык; Лавицкий А.А. — анализ литературы, обработка материала, написание текста, заключения. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Синячкин В.П., Лавицкий А.А. «Джихад против Макмира» Б. Барбера в современных транскультурных реалиях // Полилингвильность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 1. С. 20–29. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-20-29> EDN: GEAZOQ

B. Barber's "Jihad vs. McWorld" in Contemporary Transcultural Realities

Vladimir P. Sinyachkin¹, Anton A. Lavitski²

¹ RUDN University, Moscow, Russian Federation

² Vitebsk Branch of the International University "MITSO," Vitebsk, Republic of Belarus

 anton_lavitski@mail.ru

Abstract. This study critically analyzes the ideas of American political scientist B. Barber, presented in his book "Jihad vs. McWorld." The scholar attempts to substantiate the concept of the struggle between two forces shaping the world order: *Jihad* and *McWorld*. The former is presented as a movement oriented toward the establishment of a society of radical national-cultural isolation — the demarcation of ethnonational living space from the influence of the outside world. The latter implements globalization approaches to create a unipolar world of unified and uniform cultures, which ultimately should lead to the formation of a common transnational personality. According to B. Barber's predictions, the radical confrontation between *Jihad* and *McWorld* should end with the victory of the latter, that is, the complete blurring of intercultural boundaries. The relevance of *McWorld's* "cultural pressure" in recent decades is confirmed by the vocabulary of modern language, where foreign borrowings, typically international in nature, are displacing lexemes representing an ethnocultural worldview. Examples of contemporary cultural realities objectify the emergence of a form of interethnic relations development different from that proposed by B. Barber — regionalization. Regionalization, when applied to a cultural context, represents a natural process of countering the tendency to erase cultural and ethnic boundaries. Thus, formally, it appears to be in opposition to globalization (*McWorld*) and the related ideas of *Jihad*. However, it is consistently demonstrated that the doctrine of regionalization has a symbiotic basis: despite its focus on preserving national-ethnic identity, it implements transcultural diffusion through the assimilation of borrowed cultural elements. Examples of "cultural assimilation" in the literary process, the film industry, science, and even the catering industry are cited as supporting examples. Regionalization is realized in its natural form as an individual's independent desire to escape cultural assimilation, and in extreme forms, as a shift toward cultural separatism. Artificial regionalization is viewed as a subject of national discourse and is found in ideologically oriented communication flows aimed at obtaining, maintaining, or developing statehood. A conclusion is drawn about the expanding manifestations of cultural regionalization based on the principles of ethno-genealogical connections, adjusted for the contemporary political map of the world.

Key words: regionalization, globalization, “Jihad,” “McWorld,” culture, national-ethnic identification, transculture

Article history: received 01.11.2025; accepted 02.01.2026.

Authors’ contribution: *Sinyachkin V.P.* — research concept, literature review, compilation of the bibliographic list, translation into English; *Lavitski A.A.* — literature analysis, processing of the material, writing of the text, conclusions. Both authors are familiar with the final version of the article and approved it.

Conflict of interest: the authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Sinyachkin V.P., Lavitski, A.A. 2026. “Barber’s ‘Jihad against Macmir’ in Contemporary Transcultural Realities.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (1), 20–29. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-20-29> EDN: GEAZOQ

Введение

В 1995 г. в свет вышла книга американского политолога Бенджамина Барбера «Джихад против МакМира». Отдельные фрагменты своего труда Б. Барбер начал публиковать начиная с 1992 г. Кстати, именно в этом году была опубликована и книга «Конец истории и последний человек» [1] Фрэнсиса Фукуямы — одного из самых известных философов — проповедников идей глобализации. Но, в отличие от труда Ф. Фукуямы, далеко немногие сразу обратили внимание на сочинение Б. Барбера, не говоря уже об общем нарративе работы, который шел в разрез с концепцией массового сознания, укоренившей идею «„демократического мира“ как концепта международной безопасности» [2. С. 102] и осознание величия победы над возрождением имперского духа — русским коммунизмом [3. С. 127].

Уже в самой первой своей статье Б. Барбер не предрекал ничего хорошего будущему миру. Речь шла о скором столкновении двух сил, обозначаемых им как *Джихад* и *МакМир*. Эти силы, по Б. Барберу, уже начали действовать, и обе — с одинаковой продуктивностью: первая — «воссоздает древние субнациональные и этнические границы изнутри», другая — «размывает национальные границы извне» [4]. Иными словами, барберовский *Джихад* — это политика демаркации этнонационального жизненного пространства от влияния внешнего мира. *МакМир* — наоборот, пропагандирует формирование общего транснационального характера личности через унификацию восприятия овнешляемого мира, следование единым стереотипным ситуациям межличностных и межнациональных контактов.

Справедливости ради следует сказать, что в своей программной статье Б. Барбер представляет понятие *Джихад* в акцентно радикальном значении, которое приобрело это слово в массовом сознании людей, знакомых с культурой мусульманского Востока только по информационно-новостному нарративу, высказываниям отдельных политиков, постам в социальных сетях и обывательским рассуждениям на кухне. В современной интерпретации последователей идей Б. Барбера *Джихад* — это проявление «„политики идентичности и мультикультурализма“, которая отражается в стремлении общества свободно выражать свое разнообразие». В арабском языке *джихад* (الجهاد) имеет значение ‘усердие’, а в религиозном контексте понимается как «усердие на пути Аллаха, борьба за

веру»¹. Итак, по Б. Барберу, движение *Джихад* — это, в первую очередь, феномен культурного порядка: возврат к родовым общинам огромных людских масс.

Говоря о *МакМире*, Б. Барбер пишет: «На нас надвигаются экономические и экологические силы, которые требуют интеграции и единообразия, завораживают мир быстрой музыкой, быстрыми компьютерами и фастфудом с MTV, Macintosh и McDonald's, втягивая страны в одну коммерчески однородную глобальную сеть: один МакМир, связанный технологиями, экологией, коммуникациями и торговлей» [5. Р. 37]. Как ни странно звучит это сегодня, но *МакМир* функционирует по принципам империализма марксистской и ленинской теории: постоянное стремление к ресурсным, торговым, финансовым, производственным рынкам неминуемо «заставит капиталистические страны, основанные на нации, размывать национальные границы в поисках международной экономической империи» [4].

И *Джихад*, и *МакМир* у Б. Барбера имеют собственный набор добродетелей. Первый притягателен национальной идентичностью, общностью и единством, родовой солидарностью. *МакМир* выступает против любой ограниченности и изоляции, раздробленности и конфронтации в любых проявлениях. Но в своих выводах Б. Барбер категоричен: «Джихад может быть последним глубоким вздохом перед вечным зевом McWorld» [4].

Обсуждение

В радикальных описаниях *Джихада* и *МакМира* Б. Барбер сделал такой же радиальный вывод о скорой победе последнего. Однако впоследствии, по-видимому, и сам понял, что прогнозы о развитии миропорядка не могут быть столь категоричными. Так, уже в 2003 г. в другой своей книге «Империя и страх» он уже не вспоминает о вечном зеве *МакМира*, а более того, говорит, что «ни одно государство <...> не может обосновывать свою политику аргументами, недопустимыми для прочих» [6. Р. 101], то есть указывает на отсутствие даже перспектив формирования единого политического и культурного центра. Складывается впечатление, что весы предпочтений Б. Барбера склоняются уже в обратную сторону к *Джихаду*: «Наиглавнейшей ценностью демократии в действительности является толерантность» [6. Р. 172]. А далее находим еще более глубокое разочарование в глобальном мире и констатацию того, что ничего в национальную культуру невозможно экспортировать, то есть привнести извне, если она сама к этому не пришла [6. Р. 172]. В такой формулировке просматривается и видоизменение взгляда Б. Барбера на *Джихад*. Это теперь уже совсем не стремление «законсервировать» национально-культурные общности в системе собственных обычаев и традиций, языковых и духовных контактов. Скорее, речь идет о возможности адаптировать привносимые извне культурные реалии, интегрировать их содержательно.

После публикации книги «Джихад против МакМира» прошло немногим более 30 лет, а после работы «Империя и страх» — 20 лет. Это не так и много в

¹ *Джихад* // Ислам : словарь атеиста / А.В. Авксентьев, О.Ф. Акимускин, Г.Б. Акинязов и др. ; под общ. ред. М.Б. Пиотровского, С.М. Прозорова. Москва : Политиздат, 1988. С. 68.

исторической ретроспективе. Но, как ни странно, мы уже можем проследить, сбываются ли барберовские предсказания. И полагаем, что ответ здесь очевидно отрицательный. Ни в своих первых попытках научно предугадать развитие человечества, ни в последующем повороте в этом вопросе на 180 градусов Б. Барбер даже не допустил мысль о том, что в противостоянии двух радикально противоположных сил родится новая концепция миропорядка — *регионализация*, в которой воплотятся идеи национально-культурной идентификации, интегрировавшей в себя элементы глобализованного *МакМира*.

Мир никогда не был однороден, а транскультурные процессы сопровождали человеческую цивилизацию, по-видимому, с первых шагов в развитии межэтнических контактов. Еще в древние времена «ряд авторов (Гней Невий, Тит Макций Плавт, Квинт Энний, Публий Теренций Афр и др.) обрабатывали для римской театральной сцены литературные произведения греческих авторов; широко использовался прием контаминации, то есть комбинации нескольких пьес»². А феномен «скрещивания» элементов восточной и греческой культуры вошел в историю как понятие эллинизма. Однако эти и другие исторические идеи во второй половине XX — начале XXI в. трактовались совсем иначе — как глобалистические стремления человечества к однополярному миру. Причем именно культура должна была стать первой ступенью централизации общества. В это можно было бы отчасти поверить, учитывая стремительные проявления глобализации в данном направлении. Достаточно посмотреть на словари национальных языков, которые и сейчас пока еще продолжают в большей степени наполняться отголосками культуры «западного мира» (имеется в виду в первую очередь англоязычная культура). Так, Толковый словарь государственного языка Российской Федерации, включенный российским правительством в список нормативных словарей, справочников и грамматик, фиксирующих нормы современного русского литературного языка, изобилует следующими лексемами: от *авуары* и *биткоина* до *хеджировать* и *эмитента*. Но при этом в словаре нет слов *боярин*, *кулебяка*, *распекать*, *репа* и т.д.

В угаде массового заимствования новых культурных и страноведческих реалий лишь незначительная часть экспертов обращала внимание на то, что глобалистские тенденции влекут за собой глобальные культурные сдвиги. Так, например, приверженцы концепции европейской интеграции активно продвигали идею испанского философа и социолога Хосе Ортеги-и-Гассета о национальном государстве как «наихудшей из опасностей». В книге «Восстание масс» он писал: «Впервые споткнувшись о национальные границы, европеец ощущает, насколько его экономические, политические, интеллектуальные запросы — то есть его жизненные возможности, жизненный размах — несоизмеримы с тем коллективным телом, в котором они томятся» [7. С. 146]. При этом глобалисты как бы не замечали или опускали за скобки другие умозаключения Ортеги-и-Гассета. Например, о том, что «не кровь и язык создают национальное государство, — наоборот, это оно уравнивает состав эритроцитов и артикуляцию звуков» [7. С. 146]. Не вступая в пространные дискуссии о верности или ложности такого заявления,

² Теория перевода : учебник / У.М. Бахтикиреева, А.А. Лавицкий, Т.Н. Петрашко, Г.Т. Хуни. Минск: РИВШ, 2025. С. 49.

предлагаем задуматься только над одним вопросом: так ли неправ Ортега-и-Гассета, если вспомнить, что абзацем выше мы упоминали толковый словарь, имеющий *юридический* статус эталонной нормы литературного языка?

Более очевидным представляется заявление ученого о том, что в будущем средний европеец будет «душевно здоровей и крепче своих предшественников, но и душевно беднее», так как «с ускорением извергаясь на поверхность истории, он не успеет пропитаться традиционной культурой». И только спустя более чем полвека в научном и научно-популярном дискурсе появились первые попытки концептуально проанализировать и осмыслить именно эту идею Ортега-и-Гассета уже в преломлении к действительности.

Голоса критиков эпохи мирового глобализма, предрекавших неминуемый крах идеям унификации культурного кода, практически весь XX век звучали где-то на периферии общественной повестки. Хотя история уже знает неудачные попытки «культурной прививки», планируемым результатом которой должно было стать объединение народов под куполом единой культуры. Можно вспомнить хотя бы Римскую империю, крах которой привел к смерти некогда самого распространенного мирового языка — латыни.

Унифицировать мировидение совсем не значит сделать единым мироощущение. С национально-этнической идентичностью срабатывает именно эта формула. КПД приведения системы общественных отношений к единому знаменателю всегда будет обратно пропорционален социально-культурным контактам, в основу которых заложены культура, в которой личность родилась и выросла, а также этногенетический опыт многих предыдущих поколений. К голосу этих поколений личность обращается каждый раз, как только чувствует, что новые навязываемые жизненные правила и стандарты выводят ее из зоны «культурного комфорта». Начинается поиск новой «религии жизни», в которой сохраняется все то, что а) субъективно необходимо унаследовать от культурных пра-пра-источков и б) уже интегрировано в современную культурную среду и стало «своим». В сегодняшних реалиях такой философский путь соответствует идеям регионализации.

Регионализация — это реакция на глобализацию (переходный период между ними чаще всего называют *глокализацией*). Регионализация самым очевидным образом вписывается в нашу философско-антропологическую реальность, которая, по прозорливому замечанию О.А. Валиковой, У.М. Бахтикиреевой и В.П. Синячкина, состоит в попытке переосмыслить классический философский императив «Познай самого себя» [8. С. 254]. Регионализация — есть желание поставить интересы этнокультурной группы или родственных этносов выше символов интернационализма и культурной интеграции. Регионализация объективизируется несколькими факторами. Во-первых, как пишет А.М. Буттаева, мультикультурное общество не является гармоничным по определению, оно довольно быстро становится жестким, конфликтным, если в его границах сталкиваются разные культурные группы, положение которых усугубляется социальным неравенством [9. С. 85]. Во-вторых, стоя перед пропастью исчезновения собственного этноса человек самостоятельно приходит к желанию уйти от культурной ассимиляции, а в крайних формах — перейти к культурному сепаратизму. В-третьих, разрыв между культурными реалиями прошлого и настоящего настолько велик, что

фактически является несочетаемым в рамках одной лингвокультуры (сложно представить человека, который будет также искренне восхищаться и творчеством Чайковского, Шопена, Шостаковича, Шуберта и современной рэп-музыкой).

Искусственная регионализация также может быть продуктивной. Она реализуется как предмет *национального* дискурса, то есть обнаруживается, в первую очередь, в коммуникативных потоках идеологической направленности. Политико-идеологическая платформа регионализации — это один из возможных путей получения, сохранения или развития государственности.

В первой половине прошлого века Лев Николаевич Гумилев пытался доказать, что «национальный путь» развития заключается не в заимствованиях у чужих этносов и в навязывании соседям своих навыков и представлений, а в самопознании. Но история человека показывает, что это не совсем так. Очевидно, что процесс культурной регионализации уже не может проходить без оглядки на результаты глобализации. Сегодня не существует «рафинированных» («чистых») культур. Мы живем в транскультурном пространстве. Новые культурные реалии (продукты *МакМира*), впитанные национальным самосознанием, интегрируются в ее глубинные подсистемы. Но при этом меняется наполнение. Таким образом, регионализация старается последовательно уйти от префикса *транс-* в наименовании культуры, но только формально. По содержательной оценке мы живем на планете транскультур. Например, некогда феномен детской литературы Гарри Поттер во многом породил новую серию приключенческих фэнтези романов на различных национальных языках: «Сказочный патруль» Олега Роя и «Часодеи» Натальи Щербы на русском, «Дети леса» Кати Брандис и «Я превращаюсь» Мартины Баумбах на немецком, «Приключения маленькой волшебницы» Элисенды Рока Палет на испанском, др. И это уже национальная литература, и никто не хочет называть ее транслитературой. Пришедший из «западного» мира ситком «национализировался» сюжетно, а следовательно, не является чуждым любой культуре, развивающей собственный кинематограф. Даже рестораны быстрого питания в последние десятилетия приобрели национальный колорит (российский «Теремок», казахский «Bauyrdaq Qazaq», белорусский «Хутка-смачна» и др.). Таким образом, несмотря на диффузию культурных явлений, сами культуры в концепции регионализации противопоставляются друг другу.

Переход к новой эпохе — это сложный процесс социальной трансформации. И как любое глобальное изменение регионализация влечет за собой много потенциальных угроз, обусловленных еще отсутствующей системой взаимоотношений всех ее субъектов. В середине 1990-х гг. Самюэль Хантингтон в своей книге «Столкновение цивилизаций» писал, что «...наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут не между социальными классами, бедными и богатыми, а между народами различной культурной идентификации. Внутри цивилизаций будут случаться межплеменные войны и этнические конфликты» [10. С. 67]. Последнее, с нашей точки зрения, связано с тем, что «любая культура и нация в большей степени являются разнородными, состоящими из множества переплетений» [11. С. 289]. Сегодня это уже точно транскультуры. Сложно здесь не провести параллель с барберовским *Джихадом*.

Однако первые, они же «тиктонические», «культурные разломы» все же пройдут (или уже проходят) по осям «Запад — Восток», «Юг — Север». Эти

географические координаты, случайно или нет, представляют собой формальные гиперкультурные центры (культура Востока, культура Запада и т.д.). Потом будут ослабевать глобалистские связи славян и германцев, тюрков и монголов, кельтов и романцев и т.д. Далее движение регионализации, скорее всего, пойдет по генеалогическому пути с поправкой на политическую карту мира. Основатель символическо-интерпретативной антропологии Клиффорд Гирц обосновывает это, но только приходит к своему выводу «от обратного»: «...когда видишь такие организующие концепты, как „страна“, „народ“, „общество“ и, конечно, „государство“; все они, похоже, утопают в концепте „национализм“, как будто это какой-то странный магнит. Сила и значение первых утрачиваются или ослабевают, по мере того как они оказываются взаимозаменяемыми с последним и друг с другом...» [12. Р. 4]. Полагаем, что К. Гирц здесь имеет в виду национализм гражданский, а не этнический. Хотя А.М. Буттаева указывает на то, что игнорирование идей гражданского национализма неизбежно ведет к радикальным последствиям: «Этнические процессы — всплеск национального сознания, резкое перерастание социально-политической активности людей в националистическую форму в виде спектра национально-политических движений, этнорелигиозных мировоззренческих течений и общественно-политических организаций и т.д. — имеют объективную внутреннюю логику развития, ведущую, при их игнорировании, к усилению политического экстремизма и политического насилия» [9. С. 89].

Необходимо сразу оговориться, что представленный прогноз — это не сценарий мирового культурного апокалипсиса. И речь не идет о национальной маргинализации или, что еще хуже, сепаратизме или нацизме. Регионализация — это, скорее, иммунный ответ нации на попытки вирусно перестроить ее на клеточном уровне. То есть это защитный механизм, направленный на сохранение собственной идентичности, цитоплазма которой, однако, уже перестроена глобализмом. Эту идентичность следует называть национально-культурной и детализировать в этноисторическом, религиозном, языковом, аксиологическом и других аспектах. Однако фактически *национально-культурная* здесь значит *государственная*. Разумеется, мы не ставим знак «равно» между этими понятиями. Но так сложилось, что современный институт государственности обычно зиждется на национальном фундаменте. У философа и историка культуры В.М. Межуева находим достаточно убедительное, с нашей точки зрения, подтверждение этому: «Нация, в отличие от этноса, — ...это то, что дано мне не фактом моего рождения, а моими собственными усилиями и личным выбором. Этнос я не выбираю, а нацию — выбираю, могу выбрать... Нация — это государственная, социальная, культурная принадлежность индивида, а не его антропологическая и этническая определенность» [13. С. 12]. И еще одна мысль в этом контексте от С. Хантингтона: «Не определившись со своей идентичностью, люди не могут использовать политику для преследования собственных интересов» [10. С. 16].

Следовательно, культивирование идей самобытности, самодостаточности, богатства культуры является ключевым инструментом политического объединения нации в форме собственной государственности. Неслучайно страны, где сильными являются внутринациональные различия на этническом уровне, чаще страдают от политической нестабильности. И наоборот, в государствах, где домини-

нанта титульной нации очевидна и не подвергается сомнению, вертикаль власти работает более ритмично.

Проявлениями регионализации становятся действия по защите национального суверенитета, сохранению идентичности. Начало этому уже положено. Тому примером являются изменения в системе юридических отношений, когда нормы и принципы национального законодательства признаются выше даже ратифицированных международных правовых актов. Отдельные страны зафиксировали это положение конституционно. Другие применяют его как *status quo*. В России активно развивается проект «Молодой гвардии» «Говори по-русски», одной из целью которого является использование русских слов вместо заимствованных иностранных. Здесь также опустим лингвистические рассуждения об исконно русском словаре и обратим внимание на сам пассаж — стремление уйти от размыывания лексических границ и утвердиться в идее о самодостаточности русского языка.

Приведем еще несколько более локализованных (= регионализированных) примеров. В знаковом для нашего исследования 1992 г. можно было предположить, что научный журнал по тувиноведению возможен только, наверное, как заурядное местечковое издание, не больше. А сегодня нет таких глобальных наукометрических баз, где бы ни индексировался журнал «Новые исследования Тувы». Взглянув на архив нашего любимого журнала «Полилингвистичность и транскультурные практики», мы видим, что в 2025 г. уже вышел тематический номер, посвященный чувашской гуманитарной науке, а также номер, посвященный языку, культуре и традициям марийцев. А до этого были специальные номера о языках и культурах народов региона Поволжья и Урала, Северного Кавказа. Это ли не регионализация в действии?

Заключение

Конечно, можно возразить, что приводимые до этого доводы и примеры не совсем исторически релевантны, а выводы «подведены» под реальное положение дел, которое обусловлено не очевидными тенденциями, а ситуативным положением. Действительно, мы уже отмечали, что по историческим меркам прошло еще совсем немного времени, чтобы сделать абсолютно объективные умозаключения. Но нельзя не признать, что регионализация — это, скорее всего, то, что нас ждет. Без регионализации дальнейший сценарий нашей жизни выглядит более драматично: игнорирование процессов актуализации национального самосознания может перерасти в более радикальные движения уже национально-политического, религиозно-экстремистского спектра.

Как видим, в своем сущностном воплощении современная регионализация — это естественный процесс, который пока явственнее всего эксплицировался в национально-культурном компоненте. Это стремление общества остаться в системе, координаты которой задаются ее внутренними интересами и потребностями, идентифицируются как уникальные, а новые культурные реалии верифицируются на соответствие этим потребностям и интересам и уникализируются содержательно. Регионализация — это не зло, стремящееся разрушить единый мир. Во-первых, потому, что мир никогда и не был однотонным. А во-вторых,

потому, что регионализация не декларирует превосходства одной культуры над другой, не ставит один этнос выше другого, она — за толерантный транскультурализм. И в-третьих, можно предположить, что регионализация — это начало смены исторической эпохи. Средневековье длилось 1000 лет, Новое время — 500, а Новейшему времени, может быть, понадобится чуть более 100 лет, чтобы трансформироваться в Сверхновое время.

Список литературы

1. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. Москва : Изд-во АСТ, 2010. ISBN 978-5-17-059140-4 EDN: QOKXGP
2. Ливцов В.А., Балаилов А.Н. Концепт «мировые империи» в российском и зарубежном научных дискурсах: сравнительный анализ // Среднерусский вестник общественных наук. 2024. Т. 19. № 3. С. 87–108. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2024-19-3-87-108> EDN: PCZVSR
3. Диалог цивилизаций в эпоху становления глобальной культуры / отв. ред. Н.А. Хренов. Москва : ГИИ, 2012.
4. Barber B. Jihad vs. McWorld // The Atlantic Monthly. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1992/03/jihad-vs-mcworld/303882/> (accessed: 29.01.2007).
5. Barber B. Jihad vs. McWorld: How Globalism and Tribalism. New York : Times Books, 1995.
6. Barber B. Fear's Empire. War, Terrorism, and Democracy. New York, London : W.W. Norton & Co., 2003.
7. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. Москва : Весь мир, 1997.
8. Синячкин В.П., Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. Межкультурная коммуникация в художественном измерении // Текст культуры и культура текста : материалы IV Международного педагогического форума (Сочи, 16–17 октября 2017 года). СПб. : РОПРЯЛ, 2018. С. 253–258.
9. Буттаева А. М. Выбор между мультикультурализмом и национализмом как проблема полиэтнического общества // Вестник дагестанского научного центра. 2011. № 42. С. 84–90. EDN: OOOVVP
10. Хантингтон С. Ф. Столкновение цивилизаций. Москва : Изд-во АСТ, 2024.
11. Левандовская Е.Н. От «культуры» к «транскультуре» — к вопросу о статусе «национальной культуры» в современном обществе // Studiaculturae. 2013. № 16. С. 286–293. EDN: QZCNZD
12. Geertz C. Thoughts on Researching Nationalism // Workshop on Understanding Nationalism, Institute for Advanced Studies. 4–6 December. Princeton : Princeton University Print., 1997.
13. Межуев В.М. Идея национального государства в исторической перспективе // Полис. 1992. № 5–6. С. 10–16. EDN: EQVPOR

Сведения об авторе:

Синячкин Владимир Павлович — доктор филологических наук, профессор заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации, Институт русского языка, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-2098-6298; Scopus ID: 57192938803; eLibrary SPIN 8057-9562. E-mail: word@list.ru

Лавицкий Антон Алексеевич — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой правоведения и социально-гуманитарных дисциплин, Витебский филиал Международного университета «МИТСО», Республика Беларусь, 210015, г. Витебск, ул. М. Шагала, д. 8А. ORCID: 0000-0002-9102-4440; Researcher ID: M-2526-2018; eLibrary SPIN 7318-7002; Scopus ID: 57222505218; Researcher ID WoS: ABJ-8561-2022. E-mail: antonlavitski@gmail.com